

СЕРГЕЙ ГЛАЗЬЕВ: СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО — НЕ ЗНАЧИТ УЩЕМЛЕНИЕ БИЗНЕСА

Текст: Илья Копелевич (Бизнес FM)

О пагубности валютных спекуляций, проблеме вывода капитала и роли государства в регулировании экономических процессов в интервью главному редактору Business FM рассуждает экономист, академик РАН Сергей Глазьев

Сергей Юрьевич специально попросил в начале интервью не называть его советником президента, не потому, что он перестал им быть, а просто потому, что то, о чем мы говорим и те позиции, которые Сергей Юрьевич высказывает, относятся в данном случае не к его работе как советника президента, а к его взглядам как экономиста, академика Российской академии наук и по-своему идеолога определенной части экономических взглядов, которые просматриваются у нас в повестке дня.

Мы разговариваем сразу после оглашения послания президента. И сам Путин на следующий день сказал, что оно было главным образом адресовано бизнесу и должно было подчеркнуть свободу предпринимательства. За две недели до послания как раз все спорили и гадали: оно будет более государственным или наоборот. Вы считаете, что то, что огласил президент в своем послании, это не вполне соответствует вашим ожиданиям?

Сергей Глазьев: Нет, я так не считаю, и в данном случае сильное государство не означает ущемление бизнеса. Наоборот, здесь противоречия никакого нет, а есть разведение функций на то, что действительно волнует общество и людей, работающих за пределами государственных структур, это отношение к гражданским инициативам, гражданским правам, к свободе предпринимательства. Собственно, поэтому это и называется «Послание Федеральному собранию и гражданам».

Ну, это из области аксиом. А дальше начинаются теоремы, по которым в данных конкретных обстоятельствах ведут споры, и выбор в них состоит. Например, президент провозглашает амнистию капитала наряду с деофшоризацией, президент делает недвусмысленное, не формализованное, но, тем не менее, явственное обращение к правоохранительным структурам действовать аккуратнее и не останавливать полезную деятельность тысяч ни в чем не повинных людей, имея в виду, что это, действительно, происходит. Он не говорит, когда высказывается о валютном курсе, что мы зафиксируем его, как вы предлагали, что мы ограничим движение капитала. Он косвенно, в целом, поддерживает именно ту политику Центрального банка, которая была.

Сергей Глазьев: Экономическая политика — это всегда выражение чьих-то интересов. И когда нам, извиняюсь, вешают лапшу на уши по поводу законов рынка о том, что есть некие фундаментальные рыночные закономерности, которые заставляют курс плясать в полтора раза в течение нескольких дней, ну, это от лукавого.

Нет, ну, если цены на нефть примерно на ту же величину, ну, сопоставимую, не совсем точную...

Сергей Глазьев: Начнем с того, что падение курса началось до падения цен на нефть.

Там была другая причина — санкции, то есть, тоже объективная.

Сергей Глазьев: Нет, дело не в санкциях опять же. Санкции нам еще предстоит только испытать, поскольку никто пока маржин-коллы российским корпорациям не предъявил, они должны возвращать долги, начиная с декабря. В реальности рынком манипулируют несколько структур. Эти структуры, в общем-то, известны, они связаны с крупнейшими банками. И когда Центральный банк одной рукой выдает рефинансирование коммерческим банкам, а другой рукой отпускает рубль, то нетрудно понять, что для любого банкира возникает искушение, которое он никак не может по своей природе преодолеть. Если вы берете кредит под 9,5%, то понятно, что вы его уже не вложите ни в сельское хозяйство, ни в промышленность, вам одна дорога на финансовые спекуляции. А когда вам Центральный банк подсказывает, что курс рубля теперь свободный, и он не отвечает за него, и вы знаете методику, как в Центральном банке определяют механизм валютных интервенций, то это для вас сигнал. Вы можете заработать сотни процентов прибыли в расчете на год за несколько дней, и естественно банкиры этим занимаются. Центральный банк шесть триллионов рублей выдал коммерческим банкам. Практически две трети этих денег ушли на валютный рынок, и по мере того, как Центральный банк накачивал коммерческие банки своими кредитами, деньги уходили на валютный рынок и работали против рубля государственными же, по сути дела, деньгами. Это что, трудно было предвидеть? Элементарно. У Центрального банка

огромное количество рычагов, которые он может использовать для стабилизации курса рубля. У Центрального банка есть элементарный, например, инструмент прекратить спекуляции со стороны банков: регулировать валютную позицию. Это общепринятая в мире практика, которая активно использовалась в свое время Геращенко, когда в 1998 году мы получили обвал, и спекулятивный вихрь колоссальный возник. И, конечно, желающих обменять, сбросить рубли и получить доллары было огромное количество. Для того чтобы сбить этот ажиотаж, Геращенко ввел простую меру: он зафиксировал валютную позицию коммерческих банков. Это означает, что коммерческий банк не может иметь валюты на счете больше в конце дня, чем в начале дня. Просто и эффективно. Сразу коммерческие банки прекращают быть спекулянтами. Это только один пример. Таких инструментов достаточно много. Механизм, который я все время пропагандирую, что денежная эмиссия должна идти, главным образом, под спрос на деньги со стороны производственного сектора.

Проектное финансирование. Термин, который сейчас употребляется и Центральным банком, и правительством, и такой механизм сейчас, действительно, разрабатывается.

Сергей Глазьев: Понимаете, здесь есть вопрос масштабов.

За счет средств ФНБ, кстати.

Сергей Глазьев: Это тоже, я считаю, полумера, потому что ФНБ — это деньги налогоплательщиков. И когда денежные власти забирают с рынка, как сейчас, девять триллионов рублей, денег налогоплательщиков, которые, вообще-то, предприятия должны были вкладывать в производство, пополнение оборотных средств, инвестиции и прочее, их забрало государство. Центральный банк выдал шесть триллионов денег на рефинансирование коммерческих банков. И это деньги другого качества, это деньги бесконтрольные, которые поглотил спекулятивный рынок. То есть, забирают деньги из реального сектора, отдают деньги, получается, в спекулятивный сектор. Значит, на самом деле, валютные резервы — это конечный инструмент, инструмент балансировки. Главные инструменты, которые в руках у денежных властей, это контроль за предложением валюты и контроль за спросом на валюту.

Но ведь кроме спроса, это главный вопрос, кроме спроса спекулянтов, ведь есть объективно возросший спрос и снизившееся предложение.

Сергей Глазьев: Это же все легко посчитать. У нас что сейчас, негативный торговый баланс стал? Нет, у нас торговый баланс положительный и очень большой положительный торговый баланс.

Но есть отток капитала, связанный с выплатой...

Сергей Глазьев: Отток капитала, правильно, значит, главным источником спроса на валюту является вывоз капитала, а до этого у нас, особенно, в октябре, в сентябре было бегство капитала. Бегство капитала — это просто чистые переводы денег в офшоры. И это деньги, которые уходят из страны без уплаты налогов, замечу. На этом бюджет ежегодно теряет 1 триллион рублей. И Центральный банк это не волнует почему-то. Вообще-то, должно волновать, потому что, во-первых, это вычит из нашего Фонда накопления, во-вторых,

половина этих денег растворяется безвозвратно. А другая половина формирует канал воспроизводства капитала в нашей стране, примерно, ну, больше половины, во всяком случае негосударственных частных инвестиций...

Идет оттуда.

Сергей Глазьев: ...у нас идет через офшоры. Нам говорят, что это нужно, для того чтобы к нам приходил иностранный капитал. В условиях санкций теперь, обращаясь к этому, мы оказываемся крайне уязвимы, потому что достаточно Банку Англии принять решение или Федеральной резервной системе США, и эти офшорные капиталы, находящиеся в английской юрисдикции или в американской, в основном, окажутся от нас отрезанными. У нас весь режим воспроизводства будет заблокирован, мы не сможем нормально обеспечивать даже простое воспроизводство капитала в нашей стране. И вот что получается, уже сейчас мы оказываемся в зоне абсолютного падения денежной массы.

Ваш тезис звучал так: нужно зафиксировать курс, ограничить вывод капитала, то есть, отток валюты из страны, и таким образом решить вопрос. Пока мы видим, что это предложение не реализовано всеми нашими финансовыми властями, они с ним не согласны, о чем объявили очень твердо. Вы считаете, что оно по-прежнему актуально? Или сейчас уже процесс девальвации в целом завершен? Все-таки, спекуляции происходят в тот момент, когда есть явное активное движение в ту или иную сторону. Не было бы его, банки бы не рисковали на все полученные рубли с утра покупать валюту, чтобы к вечеру уже зафиксировать прибыль.

Сергей Глазьев: Для начала давайте уточним понятия. Зафиксировать курс — это не значит, что его навечно привязать к какой-то величине.

Хотелось бы, потому что, естественно, такое движение порождает уже участие спекулянтов.

Сергей Глазьев: Фиксация курса — это просто как холодный дождь для спекулянтов, прекратить спекулятивную воронку, которая раскручивается. У Центрального банка проблем нет зафиксировать курс, потому что объективно объем валютных резервов сегодня в полтора раза превышает объем денежной базы. Поэтому теоретически Центральный банк может курс зафиксировать на любом произвольном уровне. Мировая практика манипулирования валютным курсом однозначно говорит о том, что курс нужно менять в зависимости от сочетания фундаментальных факторов. Это, прежде всего, торговый баланс и платежный баланс. Заблаговременно, не дожидаясь, пока спекулянты возьмутся за валюту. И во-вторых, менять его дискретно, не отпускать плавать его как попало, а менять дискретно. Таким образом, не возникает соблазнов для спекулянтов. Если надо поменять курс, снизьте его сразу резко, поставьте всех перед фактом, стабилизируйте его на этом уровне. Надо понимать, что фиксированный курс — это вещь всегда временная, отражающая определенное состояние равновесия. И от фиксированного курса можно потом отходить. Если вы попали в состояние равновесия, вы дальше можете допускать небольшие колебания, исходящие из динамики потока валюты по статьям платежного баланса, прежде всего, по текущим операциям. Текущие операции всегда устойчивы. Мы не берем вывоз капитала — это капитальные операции. Текущие операции — экспорт, импорт. Здесь у государства много возможностей

влиять. Если экспортеры начинают придерживать валюту, значит можно вводить обязательную продажу валютной выручки, как мы это делали в 90-х годах. Если бы мы этого не делали, вообще бы не было никакого валютного рынка.

На Украине сейчас эта мера не очень помогает. Если есть обесценение валюты, вызванное, в том числе, объективными причинами, возникают множественные курсы официальные или неофициальные. Все-таки, речь идет о том, как сбалансировать сейчас этот поток.

Сергей Глазьев: Это из серии: давайте не будем искать убийц, потому что ножик всегда спрячут, и вы ничего не найдете. Я считаю, это несерьезный аргумент, что кто-то что-то прячет, потому что при современном развитии информационно-финансовых технологий спрятать вообще ничего нельзя — все видно. Я вас уверяю, что и Росфинмониторинг, и Центральный банк все видят. Вопрос, почему они не действуют. Мы же осуждаем регулирование курса не ради него самого, а ради каких-то фундаментальных целей экономической политики. Замечу, что Центральный банк своей политикой освобождения от спекулятивной волны, по сути, нарушил закон о Центральном банке, потому что там черным по белому сказано, что он отвечает за стабильность валюты. Но дело даже не в этом. У нас спад производства происходит на фоне большого количества свободных резервов. Это резервы и производственные, и трудовые. У нас скрытая безработица в обрабатывающей промышленности более 20%. То есть, предприятия могут нарастить выпуск продукции на 20%, не прибегая к новым работникам. У нас безграничные запасы сырья. То есть, экономика падает в ситуации, когда в общем-то она должна бы была расти с темпом 6-7% в год по объективным условиям. Но она падает, и падает она исключительно из-за того, что Центральный банк своей политикой привел к сжатию денежной массы. Кредиты стали дорогими, для производственных предприятий недоступными. Длинных кредитов нет, они были только за рубежом. Теперь их надо вернуть. Центральный банк не дает никакой альтернативы. Если вы за границей в общей сложности набрали порядка 500 млрд, в следующем году и в этом году 180 надо отдать, потом еще... Возникает задача: экономике нужно дать много длинных денег. По меньшей мере, заместить то, что отбирают внешние источники, то есть перейти с внешних источников кредита на внутренние источники кредита. Вот эту задачу нужно решать. Я берусь утверждать, что, если мы ограничим трансграничные операции, не собьем спекулятивный ажиотаж, то мы даже теоретически не сможем дать экономике длинных денег, потому что, как мы видим сегодня, и как это было в 2008 году, деньги, которые Центральный банк вливает через коммерческие банки, уходят на спекулятивный рынок против рубля. Яркий пример, уже исторический, — 2008 год. Влили в экономику порядка двух триллионов рублей, просто напечатали, для поддержки банков. Но им было сказано главой государства: вы должны довести деньги до производственной сферы. Что они сделали? То же самое, что сейчас. Они бросили деньги на валютный рынок. В итоге банкиры заработали в 2007-2008 годах за счет государственных дешевых денег порядка 300 млрд рублей за счет валютных спекуляций. Население это оплатило своими сбережениями. Сбережения населения сдулись в полтора раза. Наивные люди поверили в твердый рубль, это стоило больших трудов. И за два месяца эта вера полностью рассеялась. А те, кто поверили в твердый рубль, оказались в очередной раз перед фактом конфискации значительной части своих сбережений. Банкиры заработали 300 млрд, но при этом машиностроение упало на 40%.

Россия прошла финансовый кризис 2007-2008 годов хуже всех стран «двадцатки». Нигде не было такого падения производства — на 8-9%, фондового рынка в три раза, и нигде не было потрачено столько денег на антикризисную политику. Мы потратили 50% ВВП — вся стоимость антикризисного пакета. Мы дали очень много денег в экономику, но практически все эти деньги ушли на спекуляции против рубля, на подрыв стабильности. А что нужно было сделать? Нужно было просто элементарно проследить, куда эти деньги дойдут, чтобы они, действительно, дошли до производственной сферы. Когда у вас деньги Центральный банк выдает вслед за спросом со стороны производственного сектора, то у вас возникает рынок покупателя. Не предприятия толпятся вокруг банков, умоляя их дать кредиты, иначе они остановятся, закладывая уже все на свете: и личные квартиры бизнесмены закладывают, и машины, чтобы получить кредит, чтобы не разориться. В Европе все было наоборот, и сейчас наоборот: банкиры бегают за проектами, за бизнесменами и предлагают им кредиты. Они ищут клиентов. Это рынок покупателя, он всегда в теории лучше, чем рынок продавца с монопольными эффектами. Для того чтобы работал рынок покупателя, нужно, чтобы вливание денег в экономику со стороны Центрального банка шло под уже выданные кредиты предприятиям. Коммерческий банк выдал кредит, получил от предприятия вексель или обязательства, и под этот вексель получил рефинансирование со стороны Центрального банка. **Тема проектного финансирования и в правительстве обсуждается, и в предпринимательской среде тоже. Только всех волнует один пункт — трансграничные операции, до сих пор. По-вашему, это звено в цепочке.**

Сергей Глазьев: Не совсем. Это канал, который не требует жесткого контроля за предметным наполнением денег, как проектное финансирование.

Я имею в виду трансграничные операции, по сути, — это свобода вывода и ввода капитала.

Сергей Глазьев: Да. Вот сейчас Центральный банк сделал этот канал эмиссии главным. Деньги вливаются в экономику именно по этому каналу. Но есть три проблемы. Первая — деньги выливаются вкраткую. То есть, коммерческие банки получают кредиты на рефинансирование на неделю в основном, иногда на месяц. Вторая проблема — высокая процентная ставка — сейчас 9,5% — под которую банку уже почти невозможно найти клиентов дальше в производственном секторе. И третья проблема — банкиры не ограничены в использовании этих денег. Они отдали в залог что-то, какие-то бумаги из ломбардного списка, и Центральный банк дальше не волнует, куда они эти деньги дели. В силу стечения всех этих трех обстоятельств деньги уходят на валютный рынок, о чем мы уже говорили. Можно удлинить кредит? В принципе, можно. Европейский центральный банк сегодня выдает кредиты на три года. Если говорить об американцах и японцах, например, там 20-30 лет даже есть кредиты. Но надо понимать, что, если эти кредиты бесконечно крутятся в финансовом секторе, — это просто строительство финансовых пирамид, это дестабилизация системы. Поэтому удлинение кредита означает, что мы должны быть уверены в том, что деньги, действительно, ушли в производственный сектор. И коммерческие банки поэтому должны сначала дать деньги в производственный сектор, а потом получить у Центрального банка рефинансирование, а не так, как сейчас: сначала они получают от Центрального банка, потом делают все, что хотят. Это первое ограничение.

Ограничение трансграничных операций, с вашей точки зрения, необходимое звено?

Сергей Глазьев: Ограничение трансграничных операций в нашей системе, я считаю, необходимо, потому что, если бы Центральный банк у нас был настолько умелым, что научился бы, действительно, жестко регулировать использование денег коммерческими банками на те цели, ради которых идет рефинансирование, то, может быть, и не было бы необходимости в ограничении трансграничных операций. Но поскольку он этого делать не умеет, приходится настаивать на более жестких мерах, которые нужны, для того чтобы кредиты, которые вливаются в экономику со стороны Центрального банка, не уходили на валютный рынок и не обрушивали бы рубль, не создавали бы эти спекулятивные воронки или ловушки. Вопрос — какого рода ограничения. Начнем с того, что есть большое количество разных инструментов. Значит, есть лицензирование, применяющееся во многих странах лицензирование операций по вывозу капитала. Хочешь вывести капитал — получи лицензию. Нам говорят, что это было раньше, но не сработало. Не сработало, знаете, почему? Потому что Центральный банк самоустранился. Он сказал так: пусть нам правительство скажет, кому выдавать лицензии. И они в течение 10 лет так и не выпустили инструкцию о том, как получать лицензии на вывоз капитала, просто самоустранились от решения этой задачи. Есть возможность включить временной фильтр, как это было сделано в Малайзии в период азиатского финансового кризиса, который Малайзия пережила совершенно спокойно, в отличие от всех остальных юго-восточных стран Азии, рухнувших в этот кризис. Ввести временный фильтр: хочешь вывести капитал — задекларируй, допустим, за месяц. Центральный банк имеет право еще зарезервировать эти деньги. Эти инструменты достаточно сложные, и Центральный банк уже 20 лет никак не научится с ними работать или не хочет научиться. Поэтому возникает соблазн применить более простые инструменты, например, налог Тобина, который сегодня уже введен во Франции, аналог которого действует в Англии, который, вообще говоря, был предложен. Это классик теории денег Тобин предложил еще давным-давно именно для того, чтобы сбивать спекулятивный ажиотаж. Хочешь купить валюту или выйти на рынок ценных бумаг — заплати налог. Если ты долгосрочный инвестор, налог для тебя не обременительный, ты же вкладываешь деньги в долгую. А если спекулянт, который вкладывает деньги на три-четыре дня, значит, это уже серьезный штраф за спекуляцию. Поэтому, если мы введем налог Тобина, а Европейский союз обсуждает эту меру уже достаточно серьезно несколько лет, то мы тем самым будем штрафовать нелегальный вывоз капитала. Каким образом? Допустим, мы вводим налог на финансовые трансграничные операции. Если за этой операцией следует импорт, реальный импорт, мы налог возвращаем. Ну, все равно же НДС надо платить по импорту, ну, он засчитывается в НДС. Если это платеж по обслуживанию кредитов, по представлению выписки из банка, по которому погашается кредит, этот налог тоже возвращается. А если там нечего предъявить, и это в чистом виде мошенническая схема по вывозу капитала, значит, штраф на вывоз капитала. Можно это сделать? Почему нет. Очень простая схема, и кстати, она поддерживается практически всеми серьезными теоретиками денежного рынка.

Тема деофшоризации — глобальная для российской экономики, и вы сами об этом говорите, что движение капитала, как туда, так и обратно, это, как ни крути, сложившаяся практика всего российского частного бизнеса, и вовсе не потому, что они страну свою не любят, а есть масса других причин.

Сергей Глазьев: Много причин.

И это некая реальность, вот почему собственно всего этого боятся. Это я вкратце высказываю аргумент, который ваш оппонент, будь он на моем месте, мог бы вам высказать.

Сергей Глазьев: Значит, президент четко сказал: возвращайте деньги в страну, вам за это ничего не будет, то есть, не будет проверок.

Это очень важный элемент для предпринимателей, но второй, — все-таки, защита прав собственности, с которой пока ничего не изменилось.

Сергей Глазьев: Да. Вот я в связи с этим хочу высказать следующий тезис. Если выбирать между словами нашего президента и обещаниями западных оракулов, начиная от Барака Обамы и заканчивая директором Валютного фонда, то я бы все-таки доверял нашему президенту. Вот у нашего президента очень сильное качество — он всегда выполняет то, что обещает.

Но он же не обещал всем лично. Всем лично он не обещал.

Сергей Глазьев: Или предпринимать меры, меры, необходимые, для того чтобы эти обещания были выполнены. Он человек слова, иными словами. Так вот, после кипрской катастрофы, которую, по-моему, наш офшорный олигархат, все-таки, проглотил, потеряв кучу денег, доверять свои деньги иностранной юрисдикции, мне кажется, очень и очень наивно. Сейчас нас не просто пугают санкциями, их вводят, эти санкции, вводят против конкретных людей, и вводят их без всякого на то юридического основания. Вот не понравилось кому-то в Вашингтоне, что кто-то что-то здесь сказал или просто лицо ваше не понравилось, вот они вас включают в список санкций. И дело тут совсем не в Крыме, а дело в том, что против нас ведется экономическая война, поскольку США эта война нужна для укрепления своих конкурентных позиций в мире. Это объективно связано с теми структурными трансформациями, которые сегодня проходят и которые повергают американскую экономику в очень серьезный ступор. Кипрский прецедент, как известно, сегодня легализован в ЕС. Сегодня то же самое может сделать любая другая страна, это уже практика, когда считается, что за проблемы банка можно расплачиваться деньгами вкладчиков. ЕС одобрил эту практику, поэтому в Европе держать деньги в условиях финансового кризиса и санкций

крайне опасно. На островах, которые под английской юрисдикцией, еще более опасно, потому что там вообще никто ни за что не отвечает. И если санкции приобретут секторальный характер, а не персональный, то пострадают все: тысячи или десятки тысяч людей, которые хранят деньги за рубежом. Вот завтра примет решение НАТО, оно уже, кстати, это решение вывесило на своем сайте, о том, что юридически Россию нужно признать, как они считают, агрессором и врубить по полной программе санкции, включая отключение от SWIFT, о чем сейчас наши банкиры начали беспокоиться, наконец-то, хотя об этом говорилось еще пять лет назад. И дальше эти деньги вернуть будет невозможно. Они могут их и заморозить, поэтому хранить деньги лучше в своей юрисдикции. Мне когда говорят о том, что у нас плохой предпринимательский климат, меня удивляет один вопрос: для наших олигархов, которые, можно сказать, ногой дверь открывают ко многим чиновникам, которые в судах российских легко решают все свои вопросы, не потому, что суды хорошие, а потому, что они именно такие, какими их сделали, какой же для них плохой климат? Вот там для них плохой климат.

Вот для Владимира Евтушенкова оказался не очень хороший, и не может он никакие двери открыть, кроме собственной. Он на другое рассчитывал.

Сергей Глазьев: Олигархический бизнес имеет свои законы. И, как известно, олигархический бизнес, все-таки, вырос не за счет частного предпринимательства, а за счет государства. Люди, используя свои связи...

Офшоры используют, это совершенно точно, владельцы далеко не только крупного бизнеса, а практически уже любого, стоимостью свыше 100 млн, когда на самом деле и эти все налоговые плюс-минус проценты вообще не играют никакой роли, это дороже — иметь эту офшорную юрисдикцию. Но говорю по опыту, только что был в Новосибирске на конференции по офшоризации, полный зал был, совершенно это не олигархи, понятно, что это собственники, но не те, которые дверь в администрацию президента или в правительство... По их настроениям, угроза тех санкций для них меньше значит, чем все угрозы вытекающие из российской юридической системы пока что.

Сергей Глазьев: К сожалению, бизнес всегда недооценивает риски.

Я просто говорю о настроениях из разговоров.

Сергей Глазьев: Я понимаю. Наши бизнесмены — люди занятые, привыкли заниматься своим делом, создали для себя рутину определенную финансовую, они считают, что, если деньги вывели за границу, то их, во всяком случае, не поймает налоговая инспекция или еще какие-то неприятности не будут. Но сейчас ситуация такова, что риски за рубежом выше, чем риски внутри.

Пока людям кажется иначе.

Сергей Глазьев: Да, людям кажется иначе. На Кипре тоже многим казалось иначе. А на самом деле мы сегодня оказались втянуты в войну. Война эта ведется очень серьезно. И американцы, я вас уверяю, ищут любые поводы, чтобы усилить санкции. Буквально на днях американский Конгресс принял очередную резолюцию, причем, подавляющим большинством голосов, призывающую Обаму усилить санкции против России. И они напирают на секторальные санкции. Секторальные санкции для финансового рынка означают замораживание транзакций. Это мы сейчас с вами говорим по поводу ограничения с нашей

стороны по трансграничным операциям, а на самом деле над нами навис дамоклов меч, когда нас просто обрубят, когда он упадет, обрубят просто все западные транзакции с нашей финансовой системой, и что они будут делать потом с этими деньгами на островах, которые никуда не перевести?

Может, они там и останутся.

Сергей Глазьев: Ну, так на это расчет и делается. За границей сейчас болтается порядка триллиона долларов денег нашего бизнеса. Для падающей американской финансовой пирамиды это неплохое подспорье, можно еще подпереть ее на несколько лет таким образом, напугать остальных попутно. Так что, пора, мне кажется, и президент именно это сделал лейтмотивом своего послания, пора выстраивать доверие между государством и бизнесом, доверять друг другу. Обратите внимание, действительно, президент в своем послании обратился к гражданам и к деловым кругам, и дал понять, что он понимает, где энергия.

Что он знает все болевые точки.

Сергей Глазьев: Он хорошо понимает, откуда идет энергия экономического роста, она идет от самореализации людей, от предпринимательского сословия. И он четко понимает, что бюрократия необходима, конечно, для управления страной, но есть пределы разумности, за которые нельзя переходить. И то, что сейчас у нас чудовищная ситуация. С одной стороны, Центральный банк прекратил давать кредиты в экономику, а с другой стороны, фискальные органы усилили нагрузку на падающую деловую активность, это тиски, в которых просто все и умирает. И он дал понять, что активность депрессивного аппарата, который занят, прежде всего, интересами фиска, будет ограничена в интересах разумного развития бизнеса. Но и бизнес тоже, мне кажется, должен пойти навстречу. Ведь президент обещает налоговые каникулы для новых предприятий, которые, он еще говорит, будут продлеваться на несколько лет, если добросовестное предприятие. Но мы же понимаем, что все финансовые мошенничества идут через фирмы-однодневки. И, конечно, государство говорит о том, что не будет облагать налогом новые предприятия, но надо понимать...

Их может быть очень много, новых.

Сергей Глазьев: Да, что предприятия предприятиям рознь. И, вообще говоря, это делается не для мошеннических операций, а для нормального, здорового бизнеса.

Я напоминаю, что мы обо всем этом беседовали с Сергеем Глазьевым, не как с советником президента — на этой своей работе он занимается другим.

Сергей Глазьев: Да, Таможенным союзом.

Таможенным союзом. А как с экономическим экспертом, в определенной степени идеологом определенной части нашего экономического осознания.